

АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА ПАЛАМАРЧУК

УДК 94(37).04

к.ист.н., старший преподаватель, Институт истории
Санкт-Петербургского государственного университета
(Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, Россия, 199034)
a.palamarchuk@spbu.ru

***Суд о даровании прав и проблема светской
и церковной юрисдикции английского монарха
в период Реформации***

События королевской Реформации в Англии привели к обширным дискуссиям о сущности верховной власти и конкретных путях ее реализации. Одним из институтов, возникшим в ходе данного процесса, был Суд, или Служба о даровании прав. В ведении Суда о даровании прав находилось дарование диспенсаций и лицензирование нотариев — функции, ранее принадлежавшие римскому престолу или его представителям. Основой его юрисдикции был статус монарха как главы церкви. Технически в деятельности Суда о даровании прав были задействованы судьи (цивилисты) и клерки, представлявшие соответственно короля, архиепископа Кентерберийского и ведомство Канцелярии. Таким образом, Суд о даровании прав находился на стыке церковной и светской юрисдикции. Создание и деятельность Суда о даровании прав, а также документы, связанные с его формированием, иллюстрируют сложный процесс адаптации идей и практик, сформированных средневековыми канонистами в условиях постреформационной Англии.

Ключевые слова: Суд о даровании прав, диспенсация, юрисдикция, Реформация, Тюдоры, Англия

Данная работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00214.

ANASTASIA ANDREEVNA PALAMARCHUK

PhD in history, senior lecturer, Institute of History,
Saint-Petersburg State University
(Mendeleevskaya linia, dom 5, Saint-Petersburg, Russia, 199034)
a.palamarchuk@spbu.ru

*COURT OF FACULTIES, SECULAR AND ECCLESIASTICAL
JURISDICTION OF THE ENGLISH MONARCH DURING
THE REFORMATION*

Royal Reformation in England opened the way to a high-scale discussion on the substance of the supreme power and its practical implementation. As the English crown usurped the very jurisdiction considered as the proper to the See of Rome, all the concepts of jurisdictions and functions attached to both secular and ecclesiastical institutes had to be revised, as well as devices of their activities. The Court of Faculties (or the Office of faculties) was created due to this process. This institute regulated two jurisdictional domains that traditionally belonged to the See of Rome or its deputies, i.e. granting of dispensations and licensing of public notaries. Its jurisdiction was based on the new status of the English monarch as the head of the Church of England. In practice the whole work of the Court of Faculties was carried by the lawyers (civilians) and clerks representing accordingly the King, the archbishop of Canterbury and the Chancery. It demonstrated the unique position of the Court of Faculties on the edge of the secular and ecclesiastical jurisdiction. The rise of the Court of faculties, its activities and regulating documents demonstrate the complexity of the process when ideas and practices of medieval canon lawyers were adapted and transformed in accordance with post-Reformation conditions.

Key words: Court of faculties, dispensation, jurisdiction, Reformation, Tudors, England

Исследования по истории королевской Реформации в Англии, равно как и по истории английской монархии XVI–XVII вв., неизбежно предполагают обращение к сложной и многогранной теме суверенитета. Такие термины, как суверенная власть, прерогатива, империй, многократно использовались современниками в рефлексии о верховной власти, а впоследствии их построения различным образом интерпретировались в историографии. Акт о супрематии, означавший юридический разрыв с Римской церковью, положил начало длительному процессу адаптации сложившихся к исходу Средневековья концепций верховной власти к английским постреформационным реалиям. Несмотря на то, что к дискуссиям о суверенитете, как правило, обращаются исследователи светской политико-правовой истории монархии, это понятие не менее важно и для понимания той роли, которую отводила английская корона церковным институтам.

Узурпацию Генрихом VIII того объема власти над английской церковью, который ранее принадлежал Римскому престолу, невозможно рассматривать вне общего контекста династического строительства Тюдоров. Одной из характерных особенностей этого процесса было стремление восстановить в полном объеме те права и привилегии короны и те инструменты управления, которые представлялись первым государям этой династии традиционными. Поэтому отнюдь не случайным видится появление в английской культуре представлений об особом, автономном пути церкви в Англии, благодаря которому территория королевства оставалась свободной от ереси папизма или, по крайней мере, была заражена ей в меньшей степени и более короткое время. Обретение Генрихом Тюдором статуса главы церкви Англии таким образом должно было восприниматься не как приобретение нового, а как восстановление утраченного.

Ситуация, в которой государь обладал одновременно высшей светской и духовной властью, разумеется, не была новой для западноевропейской политико-правовой мысли. Речь идет прежде всего о концепции двуединой папской монархии

классического Средневековья, согласно которой римскому понтифику принадлежала власть двух мечей.

Однако адаптация элементов средневековой политической теории к реалиям постреформационной Англии требовала осмысления конкретных способов реализации этой власти, в том числе и ее институциональных форм. Если сама концепция суверенитета предполагала его неделимость, а значит — невозможность анализа данного явления, единственным открывавшимся перед теоретиками путем была рефлексия о его внутреннем измерении, то есть об институтах, формируемых верховной властью. Масштабные постреформационные дискуссии о юрисдикционных границах административно-судебных институтов и об используемых ими практиках, а также многочисленные тексты, создававшиеся участниками этих споров, в конечном итоге отражали стремление сформулировать основополагающие принципы реализации суверенной власти короны.

Институт, о котором пойдет речь далее, достаточно редко привлекал внимание исследователей, несмотря на свою длительную историю. Тем не менее, сам факт его создания, тексты, связанные с формированием объема его полномочий, и дальнейшее функционирование крайне показательны в контексте формирования постреформационных властных теорий.

Суд, или Служба о даровании прав (Court of faculties, Office of faculties), возник в Англии в период королевской Реформации и существует по сей день. Его работа приостановилась лишь единожды — во время существования английской Республики. Появление подобного института стало непосредственным откликом на изменение представлений о королевской власти в ходе выхода английского королевства из канонической юрисдикции Рима.

История Службы о даровании прав, возникновение которой принято относить к 1533 г., во многом также является частью процесса активной институционализации административно-правовых практик, основанных на использовании

королевской прерогативы, который активно происходил уже в правление Ричарда III (возникновение Совета Севера и Палаты прошений) и не прекращался вплоть до правления Стюартов. Речь, однако, не шла о создании короной принципиально новых институтов: напротив, действия монарха с помощью различных административных или законодательных инструментов позиционировались как упрочение древней традиции или восстановление собственных традиционных прав, возвращение тех полномочий, которые по разным причинам были утрачены ранее.

В процессе возникновения Службы о даровании прав предметом притязаний короны также были освященные традицией функции, ранее принадлежавшие исключительно Церкви, а правовые концепции, использовавшиеся в практике трибунала, были сформированы католическими теологами и канонистами. Генрих VIII, позиционируя себя в качестве главы церкви Англии, вполне предсказуемым образом предъявил претензии на две важные прерогативы, ранее являвшиеся церковной монополией — право даровать диспенсации и право издавать лицензии. Диспенсация означала исключение из церковного закона, даруемое в особых случаях местным ординарием или Апостольским престолом в оговоренных случаях (кан. 85–93)¹, а объектом ее издания были и клирики, и миряне.

Основные категории прошений о диспенсации на протяжении тюдоровской и стюартовской эпохи в большинстве своем остались такими же, как в классическом Средневековье. Первая большая группа диспенсаций касалась нужд клириков различного ранга. Это были прошения о разрешении принять духовный сан незаконнорожденному или совершить рукоположение вне предписанных периодов; принести монашеские обеты, занять должность в церковных институтах, получить бенефиций незаконнорожденному или тому, кто не достиг совершеннолетия или возраста, необходимого для

¹ Кодекс канонического права. *Codex Juris canonici*. М., 2007. P. 70–72; Jones R. *The Canon Law of the Roman Catholic Church and the Church of England*. London, 2000. P. 56.

рукоположения в тот или иной сан, или человеку, имеющему какие-либо телесные недостатки или увечному от рождения; прошения о позволении епископу не пребывать в своем диоцезе или канонику в своем каноникате и ряд других.

Мириане нуждались в получении диспенсации прежде всего в матримониальных вопросах — если брак намеревались заключить мужчина и женщина, находящиеся в недопустимой степени родства. Другой важной категорией дел было рассмотрение дел о незаконнорожденности.

Статус незаконнорожденного мог возникать в трех возможных ситуациях: ребенок был рожден вне брака, то есть незамужней матерью; ребенок был зачат мужчиной или женщиной, состоящими в браке, но в результате прелюбодеяния; ребенок был зачат клириком или монахиней. В случае, если ребенок был зачат состоящим в браке мужчиной (особенно знатным) и незамужней матерью, мужчина мог признать дитя в качестве своего бастарда. В случае если родители спустя какое-то время после рождения совместного ребенка / детей заключали брак друг с другом: для легитимации потомства, тем не менее, было необходимо получение диспенсации.

Помимо ограничений в праве наследования своим родителям, которые формировались прежде всего с целью обеспечить сохранение земельного фонда в рамках одного рода, незаконнорожденные сталкивались с рядом ограничений в церковной жизни. Эти ограничения возникли в ходе церковных преобразований XI в., призванных не только улучшить нравственность духовенства и монашества, но и воспрепятствовать передаче по наследству церковных должностей и бенефиций. Исключения — то есть случаи, подлежавшие диспенсации, — теоретически должны были делаться лишь в тех случаях, когда кандидат во священство или монашество своей достойной жизнью доказывал, что дурные склонности его отца не передались по наследству. Постепенно это правило начало действовать не только в отношении незаконнорожденных детей духовенства, но и вообще всех бастардов. Право даровать требуемые диспенсации принадлежало римскому

понтифику и тем, кому он это право делегировал — обычно епископам и легатам².

В Англии, где процесс внедрения новых норм канонического права совпал с этапом зарождения и развития институтов общего права, вопрос о том, в чьей юрисдикции должно находиться решение о признании человека незаконнорожденным или, напротив, законным потомством, уже в XIII столетии стал причиной споров между королевскими и церковными судами. В 1236 г. на совете в Мертоне епископ Линкольна Роберт Гроссетесте высказал мнение о том, что следует легитимировать ребенка в тех случаях, когда дитя появилось на свет вне супружеского союза, но затем его родители вступили в законный брак. Предложению епископа воспротивились представители светской знати, а затем и королевские суды. В конце концов к середине XIV в. в результате трений между судами канонического и общего права было выработано два параллельных взгляда на легитимацию: если спор возникал о статусе незаконнорожденного как таковом, решение о легитимации должно было приниматься епископом. Если же речь шла о законнорожденности как условии наследования земель, судьи общего права полагали, что лишь королевские суды и присяжные вправе решать, можно ли признать ребенка, рожденного вне брака, наследником манора³.

В постреформационной практике судов канонического права появляется также термин «лицензия». Термины «диспенсация» (*dispensation*), «дарование прав» (*faculty*) и «лицензия» (*license*) в английской практике были практически синонимичны⁴, однако диспенсацией называлось, как правило, разрешение, даваемое архиепископом Кентерберийским в наиболее значимых случаях; плата

² Sheehan M. M. *Illegitimacy in Late Medieval England: Laws, Dispensation and Practice // Illegitimität im Spätmittelalter / Herausgegeben von L. Schmuggle. Oldenburg, 1994. P. 115–121.*

³ *Roberti Grosseteste, Episcopi Quondam Lincolniensis Epistolae / Ed. by H. R. Luard. London, 1961. P. 89, 104; Pollock F., Maitland F. W. The History of English law before the time of Edward I. Vol. 2. Cambridge, 1968. P. 378.*

⁴ Gerosa P. *Canon Law. Munster, 2002. P. 80; Coughlin J. J. Canon Law: A comparative study with Anglo-American legal theory. Oxford, 2011. P. 46–47.*

за получение диспенсации была выше, чем за приобретение прав или лицензии.

Термин «лицензия» фигурировал в еще одной значимой области, контроль над которой перешел от Римского престола в руки главы церкви Англии после Реформации. Этой областью было лицензирование публичных нотариев. Институт публичного нотариата оформился в Италии в начале XII столетия, но практически до середины XIII в. был неизвестен в Англии; первый документ, заверенный нотарием в Англии, относится к 1257 г.⁵ Регулярную основную деятельность публичных нотариев приобретает в Англии после 1279 г. благодаря архиепископу Кентерберийского Джона Пичема. В континентальной практике право лицензирования принадлежало двум инстанциям, претендовавшим на полноту власти в христианском мире — папскому престолу и императору: их верховный авторитет в конечном итоге гарантировал истинность и нерушимость условий подготовленного и оформленного нотарием контракта или завещания. Лицензия нотариев, таким образом, считалась действительной на всех территориях христианского мира.

Начиная с XIV в. соперничество Апостольского престола и имперской короны, а также распространение в территориальных монархиях концепции «*rex in regno suo imperator est*» заметным образом отразилось на судьбах нотариев. Так, в 1320 г. в Англии была запрещена деятельность тех нотариев, чья лицензия была утверждена императором; так же поступил Филипп Красивый, а в 1329 г. деятельность имперских нотариев была прекращена в Кастилии⁶. В 1323 г. архиепископу Кентерберийскому Уолтеру Рейнолдсу было делегировано право лицензирования английских нотариев. Вплоть до Реформации на территории королевства действовали лишь нотариии, лицензия которых была утверждена авторитетом Апостольского престола как непосредственно, так и в результате применения делегированных полномочий папскими легатами или архиепископом

⁵ Cheney C. R. *Notaries Public in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Oxford, 1972. P. 12. Также см.: Brooks C. W., Helmholz R. H., Stein P. *Notaries Public in England since the Reformation*. London, 1991. P. 18–19.

⁶ Cheney C. R. *Notaries Public...* P. 54.

Кентерберийским в качестве *legatus natus*. Примерно с 1357 г. лондонские нотариусы объединились в гильдию, или братство писцов города Лондона (Writers of the Court Letter of the City of London), которая в 1373 г. получила хартию, утвержденную лордом-мэром Лондона. С начала XVII в. и по сей день эта профессиональная корпорация существует под названием «Компания писцов» (The Scriveners' company), и является одной из 110 ливрейных компаний лондонского Сити⁷.

В 1533 г. английский парламент принял очередной документ, направленный на реформирование церковного устройства — Акт, касающийся избавления подданных Его Величества от податей и импозиций, которые доселе выплачивались Римской кафедре, а также о лицензиях и диспенсациях (25 Hen.8 c.21)⁸. Иногда этот акт также называют Актом об архиепископских лицензиях. Как многие другие документы этого периода, текст акта содержит обширные риторические фрагменты, призванные, с одной стороны, продемонстрировать многочисленные злоупотребления и искажения, проистекавшие из подчинения английской церковной иерархии Риму, а с другой — убедить подданных Его Величества в необходимости восстановить искаженный порядок, вернув монарху те привилегии и права, которые незаконно были узурпированы папистами. Помимо прочего, епископом Рима «к великому уничижению Вашей имперской короны и королевской власти» была узурпирована власть «разрешать от любого человеческого закона, практики и обычая во всех странах и во всех делах, называемых духовными». Акт восстанавливал такой объем монаршей власти, который, по мнению составителей текста, был аналогичен объему папской власти; особый акцент ставится именно на тождестве разрешающей власти римского понтифика и английского монарха.

Текст акта не только декларирует намерение монарха и его подданных не отступать «от истинной католической веры

⁷ Scriveners' Company Common Papers 1357–1628 with a continuation to 1678. London, 1968.

⁸ The statutes at large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the union of the kingdoms of Great Britain and Ireland. Vol. 3 / Ed. by J. Raitby. London, 1811. P. 170–172.

христианского мира и всего, что провозглашают священные Писания и Слово Божие», но одновременно утверждает его статус в качестве гаранта в равной степени существующих обычаев и истинной религии — функции, реализацию которых предполагает суверенная власть и «имперская корона» английского короля⁹.

Характерно, что сразу после восстановления утраченного объема власти текст акта говорит о ее делегировании примасу церкви Англии, архиепископу Кентерберийскому. Согласно акту, все диспенсации, разрешения, лицензии и позволения отныне должны дароваться архиепископом Кентерберийским и скрепляться его печатью. Как отмечает У. Хупер, факт немедленного делегирования диспенсационных полномочий объясняется пониманием верховной власти Генрихом Тюдором¹⁰. Пороком, который приписывался средневековому папству, было окончательное сосредоточение полноты империя в руках римского епископа, тогда как империя, или абсолютная власть суверена — английского монарха, неразделяемая сама в себе, может и, более того, должна быть делегирована для ее максимальной реализации. Нельзя не учесть и то обстоятельство, что сходный принцип непрерывного возвращения и последующего делегирования был основополагающим для системы взаимоотношений между монархом-сеньором и его подданными-вассалами, хотя объектом передачи в данном случае была земля или должности. Делегирование права диспенсации от церковного закона не означало того, что монарх утрачивал право издавать диспенсации лично: еще в 1529 г. Акт о множественности бенефиций (21 Hen.8 c.13) наделял монарха правом давать диспенсации своим капелланам¹¹, а в 1537 г. Генрих VIII дал своим подданным диспенсацию, позволяющую есть мясо во время Великого поста.

⁹ Statutes at Large, of England and Of Great Britain... Vol. 3. P. 179.

¹⁰ Hooper W. The Court of Faculties // The English Historical Review. Vol. 25. N 100. 1910. P. 675.

¹¹ Crankshaw D. The Elizabethan Faculty Office and the Aristocratic Patronage of Chaplains // Patronage and Recruitment in the Tudor and early Stuart Church. York: Borthwick Institute of Historical Research, 1996. P. 28.

В 1536 г. был принят так называемый второй акт о диспенсациях (28 Hen.8 c.16)¹². Как следует из самого текста документа, несмотря на запрет 1533 г. обращения англичан за лицензиями и диспенсациями в Римскую курию не прекратились. Текст акта 1536 г. гораздо более лаконичен, нежели первоначальный документ; кроме того, в нем используется несколько иная риторика. Если Акт об архиепископских лицензиях оперирует понятием суверенитета и «империя», реализовать которые в полной мере мешали неправомерные действия римской кафедры, то второй акт о диспенсациях использует риторiku, построенную на представлениях о юрисдикции.

Термин «юрисдикция» широко использовался в поздне-римской и средневековой политико-правовой рефлексии. В классическом римском праве под словосочетанием «*juris dictio*» понимался объем полномочий, необходимый магистрату для реализации «справедливости». Юрисдикция, как и империя, не подлежала разделению, но могла быть делегирована. В эпоху Средневековья «юрисдикция» воспринималась как своего рода синтез полномочий, а само понятие было необходимо для построения различного рода потестарных иерархий и для поиска их нормативных оснований. К использованию этого термина активно прибегали в случаях, когда необходимо было найти основания независимой политической власти, имеющей имперский уровень суверенитета и при этом не являющейся Священной Римской империей. В подобном ключе понимал «юрисдикцию» Бартоло де Сасоферрато и следующая за ним традиция, к началу правления Тюдоров уже распространившаяся в Англии благодаря сообществу юристов гражданского права, пользовавшихся в период Реформации особым покровительством короны¹³.

К 1536 г. относится составленный в Службе о даровании прав документ, классифицирующий прошения о диспенсациях в соответствии с размером взимаемого вознаграждения.

¹²Statutes at Large, of England and Of Great Britain... Vol. 3. P. 272–273.

¹³Паламарчук А. А. Юрисдикция и методы ее регулирования в системе судебных институтов раннестюартовской Англии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 10 (33), URL: <http://history.jes.su/s207987840000894-2-1> (дата обращения: 27.10.2015).

Всего он насчитывает 38 позиций¹⁴. Верхние позиции в этом списке занимали диспенсации, испрашиваемые клириками: разрешение принять сан или монашеские обеты ранее положенного возраста, разрешение не находиться в пределах собственного бенефиция, разрешения аббатам монастырей использовать епископские благословения и атрибуты епископской власти и т. д. Нижние позиции, размер вознаграждения за которые был самым небольшим, касались мирян: это были прошения, связанные с разрешением на браки между близкими родственниками, просьбы о диспенсации незаконнорожденным и о легитимации потомства.

Акт 1533 г. детально регулировал распределение взносов за диспенсацию или лицензию. Если вознаграждение превышало 4 фунта, вся сумма разделялась на три части. Две из них разделялись еще на четыре, из которых король брал три четверти. Оставшуюся четверть разделяли на три: две трети полагалось канцлеру и одна треть — клерку Канцелярии, который вносил запись о полученной диспенсации в свитки Канцелярии и скреплял документ печатью. Оставшаяся треть первоначальной суммы делилась на три части: две трети получал архиепископ Кентерберийский и одну треть — мастер и клерк Службы о даровании прав¹⁵. Этот финансовый документ, лишенный какой бы то ни было риторики, тем не менее, дает ключ к пониманию роли инстанций, задействованных в процессе диспенсаций и лицензирования.

Участие Канцелярии в деятельности Суда о даровании прав весьма показательно. Необходимо отметить, что речь шла не только о простом техническом участии клерков одного из важнейших ведомств в деятельности нового трибунала. Канцелярия была, безусловно, светским институтом, но на протяжении всего Средневековья ее штат составляли преимущественно клирики — от епископов, занимавших должности канцлера, до клириков низших ступеней, занимавших должности клерков. Характерной особенностью штата Канцелярии было основательное юридическое образование — как непосредственно

¹⁴ Hooper W. The Court of Faculties... P. 676.

¹⁵ Letters and papers, Foreign and Domestic, Henry VIII. Vol. 10. January — June 1536 / Ed. by Gardiner. London, 1887. P. 538.

канцлеры, так и мастера Канцелярии в большинстве своем имели ученые степени по каноническому или гражданскому праву. Правление Тюдоров, как известно, совпадает с лаицизацией канцлерской должности, которая происходит после падения кардинала Уолси. Однако, несмотря на этот факт, деятельность и роль Канцелярии продолжали восприниматься в категориях, сформировавшихся на основе римского права, а впоследствии адаптированных и интерпретированных средневековой традицией.

В классическом римском праве все гражданские дела могли рассматриваться согласно либо гражданскому праву, либо праву преторскому (*jus praetorium*, или *jus honorarium*)¹⁶. Гражданское право воспринималось прежде всего как право, применявшееся к гражданам города Рима, и представляло собой совокупность обычаев и толкований юристов. Преторское право (*jus praetorium*) проистекало из юрисдикции претора, полномочия которого предполагали корректировку процессуальных норм гражданского права, а также защиту новых правовых фактов институтов (*Dig.1.1.7.7*)¹⁷. Впоследствии, уже в период принципата, этот дуализм будет дополнен так называемым *jus novum* — совокупностью императорских конституций и исков *extra ordinem*¹⁸. Перечисленные системы существовали параллельно друг с другом, но что особенно важно — преторское право воспринималось как корректирующее по отношению к гражданскому. Подобная система, рассматриваемая впоследствии английскими теоретиками, приводила к вполне определенным аналогиям: *jus novum*, то есть право, формируемое императорской властью, отождествлялось с прерогативной юстицией, а право преторское — с судебными полномочиями канцлера¹⁹.

¹⁶ Zwolve W. J., Koops E. Introduction: The Equity Phenomenon // Law and Equity: Approaches in Roman and Common Law (Legal History Library, vol. 10) / Ed. by E. Koops, W. J. Zwolve. Leiden, 2013. P. 3–4.

¹⁷ Памятники Римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 158.

¹⁸ Гарридо М. Х. Г. Римское частное право: Казусы, иски, институты. Москва: Статут. 2005. С. 144–145.

¹⁹ Паламарчук А. А., Ключко Б. И. Совесть, справедливость и суд канцлера в средневековой Англии // Теория и практика общественного развития. № 18. 2015.

Тем не менее, восприятие канцлерских полномочий в качестве корректирующих по отношению к действиям прочих административно-судебных институтов не означало, что канцлер выступает как самостоятельная и полностью независимая инстанция, аналогичная третейскому суду. Сам генезис канцлерских полномочий демонстрировал, что его юрисдикция формировалась благодаря делегированию власти монарха и была неразрывно связана с нею. Согласно известной максиме, канцлер являлся «хранителем королевской совести», в которой персональное и публичное измерения совпадали, а осуществлявшееся им правосудие, следовательно, воплощало не столько собственные воззрения канцлера, сколько королевскую *conscientia* — знание. Интерпретация этого термина отличалась от современной, прежде всего подразумевая мудрость, знание и осведомленность в чем-либо. Таким образом, восприятие канцлера (а также подчиненных ему мастеров Канцелярии) как хранителя королевской *conscientia* означало, что вместе с соответствующей юрисдикцией ему транслируется и причастность мистической королевской мудрости. Если же вспомнить о том, что дарование диспенсаций по сути представляло собой единоразовую корректировку действия канонического права, своего рода проявление милосердия, проистекающего из подлинного видения и понимания конкретной ситуации, то участие Канцлера и его ведомства в процессе юридического оформления диспенсационного документа становится вполне обоснованным. Столь же обоснованной была и причастность канцлера к процессу лицензирования нотариев — другой важной сферы деятельности Суда о даровании прав. Сущность действия нотариуса сводилась к тому, что он удостоверял истинность действия и намерений, изложенных в документах; если ранее способность таким образом отделять истинное от ложного освящалась авторитетом римского понтифика, то теперь монарх и канцлер — тот, кто являлся хранителем королевской *conscientia*, принимали на себя роль, которую ранее исполнял римский понтифик.

Таким образом, в деятельности Суда о даровании прав сочетались три важных компонента, образующих своего

рода иерархии: юрисдикция монарха как главы церкви, делегированная юрисдикция архиепископа Кентерберийского в качестве правящего ординария, юрисдикция канцлера как корректирующей инстанции, которая также являлась делегированной и воплощала монаршую мудрость.

В практическом аспекте описанная выше значимая миссия и колоссальный объем работы реализовывались благодаря совсем небольшому штату Службы о даровании прав. Функции судьи осуществлял мастер, регистрарий суда контролировал подготовку документов и работу нескольких нижестоящих клерков. Мастера суда за несколькими исключениями назначались из членов корпорации английских цивилистов — Общины докторов. Поскольку в доходах от выдаваемых судом лицензий и диспенсаций были заинтересованы одновременно монарх, архиепископ Кентерберийский и лорд-канцлер, каждый из них имел возможность предложить на должность мастера своего кандидата, назначение которого, впрочем, скреплялось печатью архиепископа. Мастер получал назначение на пожизненный срок, однако это не означало, что должность в Суде о даровании прав будет единственной в его карьере. Нередко должность в этом трибунале становилась для докторов права прологом к дальнейшей карьере в более высоких церковных или светских судебно-административных инстанциях²⁰.

В тюдоровскую эпоху суд располагался в здании Общины докторов на Найт-райдер-стрит, где осуществлял свою деятельность ряд других церковных судов, наиболее важными из которых были суд Арки и Прерогативный суд архиепископа Кентерберийского. Расположение Суда о даровании прав в резиденции английских цивилистов было неслучайным и вписывалось в общий контекст политики короны по отношению к юридическим корпорациям: после прекращения преподавания канонического права в университетах значительная часть должностей в церковных судах, а особенно в судах высшего звена, замещалась цивилистами.

Несмотря на то, что деятельность Суда о даровании прав охватывала лишь небольшой сегмент административно-судебного поля в тюдоровскую эпоху, история его формирования

²⁰ Hooper W. The Court of Faculties... P. 670–686.

демонстрирует всю сложность и неоднородность потестарных концепций данного периода. Одновременно история создания этого специфического института заставляет поставить под сомнение актуальные до последнего времени представления, согласно которым определяющую роль в постреформационном развитии Английского королевства играли концепции и практики, связанные, прежде всего, с инсулярным по своему генезису общим правом. Активное применение концепций средневековых канонистов и цивилистов, как английских, так и континентальных, показывает не только очевидную заинтересованность короны в простом перенесении на себя объема властных полномочий (как светских, так и духовных), ранее отождествлявшихся с папской или императорской властью, но и недостаточность инструментария общего права для осуществления подобных шагов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарридо М. Х. Г. Римское частное право: Казусы, иски, институты. — Москва: Статут, 2005. — 811 с.
2. Кодекс канонического права. Codex Juris canonici. — М.: Институт философии, теологии и истории святого Фомы, 2007. — 624 р.
3. Паламарчук А. А., Ключко Б. И. Совесть, справедливость и суд канцлера в средневековой Англии // Теория и практика общественного развития. № 18. 2015.
4. Паламарчук А. А. Юрисдикция и методы ее регулирования в системе судебных институтов раннестюартовской Англии // Электронный научно-образовательный журнал История. М., ИВИ РАН, 2014. Вып. 10 (33), URL: <http://history.jes.su/s207987840000894-2-1> (дата обращения: 27.10.2015).
5. Памятники Римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана / Отв. ред. и сост. Л. Л. Кофанов. — М.: Зерцало, 1997. — 608 с.
6. Brooks C. W., Helmholz R. H., Stein P. Notaries Public in England since the Reformation. — London: 1991. — 148 p.
7. Cheney C. R. Notaries Public in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. — Oxford: Erskine Press, 1972. — 218 p.
8. Coughlin J. J. Canon Law: a comparative study with Anglo-American legal theory. — Oxford: Oxford University Press, 2011. — 248 p.
9. Crankshaw D. The Elizabethan Faculty Office and the Aristocratic Patronage of Chaplains // Patronage and Recruitment in the Tudor and early Stuart Church. York: Borthwick Institute of Historical Research, 1996. P. 20–75.

ВЫПУСК IV

10. Gerosa P. *Canon Law*. — Munster: Lit, 2002. — 983 p.
11. Hooper W. The Court of Faculties // *The English Historical Review*. Vol. 25. N 100. 1910. P. 670–686.
12. Jones R. *The Canon Law of the Roman Catholic Church and the Church of England*. — London: Bloomsbury T&T Clark, 2000. — 176 p.
13. Letters and papers, Foreign and Domestic, Henry VIII. Vol. 10: January – June 1536 / Ed. by Gardiner. — London: HM Stationery Office, 1887. — 645 p.
14. Pollock F., Maitland F. W. *The History of English law before the time of Edward I*. Vol. 2. — Cambridge: Cambridge University press, 1968. — 688 p.
15. Roberti Grosseteste, Episcopi Quondam Lincolniensis Epistolae / Ed. by H. R. Luard. — London: Rolls, 1961. — 626 p.
16. Scriveners' Company Common Papers 1357–1628 with a continuation to 1678. — London: London Record Society, 1968. — 158 p.
17. Sheehan M. M. Illegitimacy in Late Medieval England: Laws, Dispensation and Practice // *Illegitimität im Spätmittelalter* / Hrsg. von L. Schmugge. München: Oldenburg, 1994. P. 115–121.
18. The statutes at large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the union of the kingdoms of Great Britain and Ireland. Vol. 3 / Ed. by J. Raitby. — London: G. Eyre and A. Strahen, 1811. — 670 p.
19. Zwolve W. J., Koops E. Introduction: The Equity Phenomenon // *Law and Equity: Approaches in Roman and Common Law (Legal History Library, vol. 10)* / Ed. by E. Koops, W. J. Zwolve. — Leiden: Martinus Nijhoff. 2013. — 215 p.

REFERENCES

1. Brooks C. W., Helmholz R. H., Stein P. (1991) *Notaries Public in England since the Reformation*, London: Erskine Press, 148 p.
2. Cheney C. R. (1972) *Notaries Public in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*, Oxford: Oxford University Press, 218 p.
3. Coughlin J. J. (2011) *Canon Law: a comparative study with Anglo-American legal theory*, Oxford: Oxford University Press, 248 p.
4. Crankshaw D. (1996) *The Elizabethan Faculty Office and the Aristocratic Patronage of Chaplains, Patronage and Recruitment in the Tudor and early Stuart Church*, York: Borthwick Institute of Historical Research, pp. 20–75.
5. Gardiner (1887) *Letters and papers, Foreign and Domestic, Henry VIII*, vol. 10, London: HM Stationery Office, 645 p.
6. Garrido M. H. G. (2005) *Rimskoje chastnoe pravo: Kazusy, iski, instituty* [Roman private Law: Cases, suits, institutes], Moscow: Statut, 811 p. (in Russian)
7. Gerosa P. (2002) *Canon Law*, Munster: Lit, 983 p.

8. Hooper W. (1910) The Court of Faculties, *The English Historical Review*, vol. 25, n. 100, pp. 670–686.
9. Institut filiospfii, teologii I istorii swjatogo Fomy (2007) *Kodex kanonicheskogo prawa. Codex Juris canonici* [Codex of Canon Law. Codex Juris canonici], Moscow: Institut filiospfii, teologii I istorii swjatogo Fomy, 624 p. (in Russian)
10. Jones R. (2000) *The Canon Law of the Roman Catholic Church and the Church of England*, London: Bloomsbury T&T Clark, 176 p.
11. Kofanov L. L. (1997) *Pamjatniki rimskogo prawa. Zakony XIII tablitz. Instisuzii Gaja. Digesty Justiniana* [Monuments of the Roman law. Law of the XII tables, Gaius' Institutes. The Digest of Justinian], Moscow: Zertzalo, 608 p.
12. Luard H. R. (1961) *Roberti Grosseteste, Episcopi Quondam Lincolnensis Epistolae*, London: Rolls, 626 p.
13. Palamarchuk A. A. (2014) Jurisdikzija I metody ee regulirovanija w sisteme sudebnyh institutow rannestuartowskoj Anglii [Jurisdiction and methods of its regulation in the Early Stuart England], *Elektronnyj nauchno-onrazovatelnyj zhurnal Istorija*, Moscow: IVI RAN, n. 10 (33), URL: <http://history.jes.su/s207987840000894-2-1> (27.10.2015). (in Russian)
14. Palamarchuk A. A., Klychko B. I. (2015) Sowest, spravedliwost i sud kanzlera w srednevekowej Anglii [Conscience, Equity and the Chancery court in medieval England], *Teorija I praktika obshestwennogo razwitija*, n. 18. (in Russian)
15. Pollock F., Maitland F. W. (1968) *The History of English law before the time of Edward I*, vol. 2, Cambridge: Cambridge University press, 688 p.
16. Steer F. W. (1968) *Scriveners' Company Common Papers 1357–1628 with a continuation to 1678*, London: London Record Society, 158 p.
17. Sheehan M. M. (1994) Illegitimacy in Late Medieval England: Laws, Dispensation and Practice, *Illegitimität im Spätmittelalter* (ed. L. Schmuggle), München: Oldenburg, pp. 115–121.
18. Raitby J. (1811) *The statutes at large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the union of the kingdoms of Great Britain and Ireland*, vol. 3, London: G. Eyre and A. Strahen, 670 p.
19. Zwolve W. J., Koops E. (2013) Introduction: The Equity Phenomenon, *Law and Equity: Approaches in Roman and Common Law* (Legal History Library, vol. 10), Leiden: Martinus Nijhoff, 215 p.